

Ратников К. В.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ОТРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В
ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ СТИХОТВОРНЫХ ОТКЛИКОВ НА
ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1794 ГОДА)**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/54.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. II. С. 157-159. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ОТРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В
ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ СТИХОТВОРНЫХ ОТКЛИКОВ НА
ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1794 ГОДА)

Ратников К. В.
Челябинский государственный университет

Общественное мнение, политические настроения и принципиальные взгляды представителей различных социальных групп всегда являлись сферой активного влияния государственной идеологии, принимая под ее непосредственным воздействием многообразные формы для своего выражения. Наиболее заметный отпечаток проводимой властями внутренней и внешней политики традиционно носят на себе самые оперативные формы реакции общества на важнейшие события в жизни государства. К числу таких форм принадлежат раньше всего появляющиеся в печати стихотворные отклики, которые, благодаря своей художественной выразительности, композиционному лаконизму и чрезвычайно яркой эмоциональной насыщенности, способны не только вызывать сильный отголосок в читательской среде, но и фокусировать в себе основные линии политического курса, представляя господствующие идеологические доктрины и свидетельствуя о характере отношения к ним широких общественных кругов. Одним из показательных примеров тесной взаимозависимости правительственной политики и общественного мнения могут служить многочисленные стихотворные отклики на подавление русскими имперскими войсками польского национально-освободительного восстания под руководством Т. Костюшко весной – осенью 1794 года. Приводимый ниже анализ текстов, опубликованных в отечественной печати той поры, позволяет объективно выявить степень воздействия государственной политики на позицию русского общества в польском вопросе.

Узел этого затяжного геополитического конфликта завязался еще до восстания, ведя отсчет от первых двух разделов Польши в 1772 и 1793 годах. Значительное территориальное приращение империи воспринималось в те годы общественными кругами в России как естественный процесс возвращения утраченных ранее исконно русских территорий и породило множество поэтико-публицистических откликов, незамедлительно выходявших отдельными изданиями и облеченных в привычную для классицизма пафосную одическую форму. В полном соответствии с правительственной интерпретацией оценивал включение белорусских губерний в состав Российской империи М. М. Херасков, риторически обращаясь к населявшим эти земли народам: «О вы, которых неустройство / Отторгло в прежни времена! / Вас ныне мир, любовь, спокойство / Даруют нам и тишина; / Вы скипетром Екатерины / Включенны днесь в стада Орлины, / И братия вы стали нам, / Единой матери сынами...» [Херасков 1793: 4]. Когда, после подавления восстания, был произведен третий раздел Польши, надолго лишивший ее государственной самостоятельности, русские поэты (в частности, В. Г. Рубан) воспевали этот факт как восстановление целостности России: «Воззри на достоянья древни, / Монархиня! страны своей! / Вся *Польша* пала на колени / Перед державою твоей...» [Рубан 1794а: 7]. Самое замечательное в этих откликах то, что они явились очень близким к первоисточнику стихотворным переложением опубликованного во всех столичных газетах официального меморандума о покорении Польши, составленного графом А. А. Безбородко, отвечавшим тогда за дипломатическую политику России: «Отсюда проистек раздел польских областей, посредством коего ее императорское величество возвратила к империи своей земли, издревле к ней принадлежавшие, отторженные от нее во времена смутные с таковым же коварством, с каковым зломышленные из поляков готовилися и ныне на ущерб России, и населенные народом с нами единоплеменным и единоверным, благочестия же ради угнетенным» [Безбородко 1794: 96].

Искренне и безоговорочно одобряя имперский внешнеполитический курс, русские поэты усматривали в территориальных разделах Польши лучшее средство искупления ее исторической вины перед Россией за прежнюю агрессию, начиная со Смутного времени: «Через подданство безупорно / Преступок древний ты исправь / И сердце искренее, покорно / Екатерине днесь представь» [Петров 1793: 157]. При этом специфика национальной культуры, истории и государственности поляков, проживавших на территориях, включенных в состав Российской империи, не просто игнорировалась, но и прямо дискредитировалась, а вместо прежнего уклада предписывалось вынужденно-добровольное принятие главенства русской политической модели: «Забудьте рвенья буйных споров, / Уставов ваших мутну смесь, / Растраву вечну в вас раздоров / И вольности нелепу спесь...» [Петров 1793: 157]. В таких условиях неизбежным оказалось решительное противодействие поляков иностранному господству и стремление к освобождению из-под чужой власти, что с раздражением расценивалось имперскими властями как нетерпимый дух мятежа и безначалия, злонамеренно занесенный в Польшу из революционной Франции. Подобные суждения высказал по прямому указанию императрицы в официальном меморандуме Безбородко, изображая жителей мятежной Варшавы сознательными последователями французских революционеров: «Дав место потом своей наклонности к вредному учению безбожных и всякому гражданскому порядку противных якобинцев, устроили в сем городе правление, подобное тому, каковым сии изверги владычествуют и ныне во Франции, ознаменяя оное лютыми казнями, исполненными над знатнейшими в республике особами духовного и мирского чина» [Безбородко 1794].

Вслед за правительственными лицами гневные инвективы по адресу коварных французов-подстрекателей и пошедших у них на поводу поляков стали обильно расточать и русские стихотворцы, особенно А. С. Шишков, страстно заклеймивший революционную Францию и затем перешедший к обличению поляков, оказавшихся легкой добычей французских козней: «Единый токмо ослепленный / Впадает в сеть

сию народ; / Бурливых не страшась погод, / Идет на брань вооруженный. / Пружина дерзких супостат, / Приемля буйный их разврат, / На пагубу свою стремится / И словом вольности пустым / В бездумии своем гордится, / Как неким благом вседрагим» [Шишков 1794: 152]. Еще более резко очертил пагубное влияние французских революционных идей на легкомысленных и невоздержных поляков Петров: «В чудовищей преобразились, / Секванским духом заразились. / Поправ священные права, / Грозят срыть храмы и расхитить, / Чужим имуществом насытить / Их алчны руки, рты, чрева» [Петров 1795: 162]. И хотя, как считал Петров, первопричиной увлечения поляков «секванским», по старому названию Сены, духом являлась их незрелость и легкомыслие, однако последствия применения ими революционных идей на практике изображались в крайне зловещем виде: «Грозят во все края достигнуть, / Царей с престолов низложить, / Возлесть на твердь, Творца с ней сдвинуть / И ввек законом уложить: / Чтоб все на свете были равны, / Все наглы, хищны, зверонравны» [Петров 1795: 163].

Роковым поводом к ожесточенной войне России с Польшей стало варшавское восстание 6 апреля 1794 года, сопровождавшееся внезапным нападением на расквартированный там гарнизон русских войск, понесших большие потери. После этих трагических событий польский вопрос мог быть решен только вооруженной силой. Имперское правительство, стремясь подогреть воинский дух путем разжигания ненависти к мятежным полякам, усиленно акцентировало чувства общественного негодования и требования мести: «6-е апреля пребудет у всех в памяти, яко день, в который вероломство поляков обнаружилось в самой вышней степени изменническим покушением на истребление войск российских, под покровом доброй веры союзного трактата спокойно и безопасно в Варшаве бывших. Все от мала до велика участвовали в произведении сего злодейства...» [Безбородко 1794: 96]. Русские поэты подхватили этот мотив, патетически живописуя картины кровавого побоища в Варшаве. Шишков не преминул обвинить весь польский народ в подражании террористической жестокости французских якобинцев: «Однако ж ею ты прельстился, / И в первых подвигах твоих, / Достойный подражатель их, / Едва ты с ними не сравнил: / Ты ночью на своих друзьях, / На воинов, в земле твоей, / Средь града твоего живущих, / Тебя от внутренних крамол / И от зломыслия бегущих, / Напал, как некий буйный вол» [Шишков 1794: 152]. Сходные обвинительные формулировки выдвинуты и анонимным автором оды на усмирение возмущившейся Польши: «Ты жаждешь крови и страстей, / Не насыщаясь тишиною, / Нарушила покой друзей, / Союз расторгнула войною» [Анонимный автор - I: 5]. Еще один не обозначивший своего имени стихотворец припомнил Польше историю ее былых попыток противоборствовать с Россией и заметил, с чувством законной гордости, что ход времени изменил соотношение сил в пользу русской державы: «Какого буйства упоенье / Воздвигло дерзкий заговор? / Не прежних ли деяний чтенье / Мечтаньем ваш ольстило взор? <...> Забылись вы в своей гордыне: / Та ль Польша? та ль Россия ныне, / Метающа повсюду страх?» [Анонимный автор - II: 4].

Лейтмотивом откликов на подавление восстания в Польше проходит идея защиты государственной чести России, оскорбленной коварным нападением мятежников на войска империи. Действия русской императрицы предстают не как внешнеполитическая экспансия, а в качестве проявления справедливого наказания строптивцам, осмелившимся покуситься на славу и благоденствие России: «Толь наглое коварство зряща / И сожалеюща о нем, / Во гневе праведном своем, / На троне росском восседающа, / Премудрая россиян мать / Велит оружие подъять...» [Шишков 1794: 153]. Мстителем за честь русского оружия закономерно становится лучший полководец России – граф А. В. Суворов-Рымникский, но при этом он остается верным исполнителем гуманных политических предначертаний своей верховной повелительницы: «Тогда монархиня с блистательного трона / Рекла к Суворову: «Престола оборона! <...> Исхить поверженных обманом в заблужденье: / Не мечь к ним понеси, но мир, мое прощенье. / Спокой обиженных, устрой правдивый суд, / Да дни блаженные в стране их протекут» [Завалишин 1796: 8]. Специфику поэтическим откликам на покорение Польши придает то обстоятельство, что в числе их авторов оказался сам победоносный Суворов, охотно выступавший на досуге от воинских подвигов в роли поэта-дилетанта. Тонко чувствуя двойственность идеологической программы Екатерины II в отношении Польши, Суворов принимает условия этой дипломатии, беря на себя функцию карающего меча, а императрице предоставляя возможность выступать в глазах всего света милосердной носительницей оливы мира. Он посылает в частном письме свой поэтический экспромт в частном письме, заранее зная, что стихи эти получат широкое распространение в обществе: «О вы, варшавские калифы! / Какую смерть должны приять! / Пред кем дерзнули быть строптивы, / Не должно ль мстить вам и карать? / Ах, сродно ль той прибегнуть к мщенью, / Кто век свой милости творит? / Карать оставит Провиденье; / Сама как солнце возлестит, / Согреть всех лучом щедрот – / Се царь иль Бог... исполненный доброт!» [Суворов 1986: 287].

Сакральная образность далеко не случайно заняла столь важное место в поэтических откликах. Религиозно-идеологический мотив покровительства, оказываемого России самим Богом, являлся мощным аргументом государственной пропаганды и был прямо выражен в официальном меморандуме о русской победе: «Рука Господня не попустила неистовым полякам воспользоваться плодами их вероломства» [Безбородко 1794: 96]. Этот эффектный мотив с готовностью подхватили и развернули верноподданно-православные стихотворцы: «Сам Бог россиян оправдал, / Казнит врага за вероломство, / Успехом увенчав геройство» [Анонимный автор - I: 14]. В то же время на побежденную сторону возлагается вся тяжесть вины за вынужденное из-за военных действий нарушение христианских заповедей, в том числе категорического запрета «Не убий!»: «Там вопль, там крик, там стон глухой; / Зарделись реки, кровью полны; / Но сами вы в сем зле виновны, / Нарушив дружеской покой...» [Анонимный автор - I: 15]. Однако интонации пристыжения ви-

нового противника отступают на второй план перед пафосом торжества победоносных и снискавших всемирную славу россиян: «На победителях лавровые венцы! / Побед их слух течет во все земли концы. / Восторгом радости он верных наполняет: / А злоба пусть себя отчаянем терзает! / Она сама своей погибели вина. / Красуйся, радуйся, Российская страна!» [Рубан 1794б: 12].

С темой торжества победителей был связан еще один ключевой компонент идеологической пропаганды – предостережение всем потенциальным противникам, указание на печальный пример Польши, сполна испытывавшей на себе, какова неотразимая сила России: «О вы, завистливы злодеи, / Брегитесь рушить наш покой, / Отриньте хитрые затеи, / Варшаву зря перед собой...» [Анонимный автор - II: 8]. Празднования по случаю покорения Варшавы перерастали в масштабное государственное торжество, являвшееся одновременно апофеозом правящей власти, утверждением величия Российской империи и провозглашением гармонии во внутренней политике страны: «Покойся, Росская держава, / Расторгнут злости хитрый ков; / Рушитель мира свержен в ров; / Твоя, монархиня! Варшава» [Шишков 1794: 154]. Поэтическая формулировка Шишкова преднамеренно стала выспренным отзвуком официального меморандума: «Сим образом низложен бунт в Польше и разрушены ковы злоумышленных» [Безбородко 1794: 96].

Имперское мышление, прочно укоренившееся в общественном сознании людей той эпохи, оперировало категориями верноподданнического единства всех граждан государства, без учета их национально-этнических и конфессиональных различий. Такой унифицирующий идеологический стандарт общего для всех порядка, целенаправленно насаждаемый правящей властью, вызвал резкий протест неизвестного автора, вынужденного скрывать свое имя. Этот политический диссидент возражал с гуманистических позиций против торжества грубой силы над вольнолюбивым духом народа, против попрания человеческой свободы, нарочито обставленного пышной и пошлой церемонией официальных торжеств: «Из жерл, Плутоном сотворенных, / Веселия раздался гром, / Во храмах, Богу посвященных, / Звучит признательный псалом. / В чертоге фурии ужасной / Сонм подлых душ подобостастный / Жжет лести гнусный фимиам. / Звон колокольный слух пронзает, / Чернь буйна громко восклицает, / И плеск несется к облакам» [Анонимный автор-III: 198]. Подробности победных празднеств в столице империи запечатлены очень точно, но саркастический тон автора создает эффект своеобразного кривого зеркала, дающего негативное отражение казенных мероприятий и официальных идеологем. Впрочем, и это тоже явилось одной из исторических форм отражения политических доктрин в общественном сознании, которое начинало постепенно утрачивать свою верноподданническую монолитность и медленно, год за годом, настраиваться на критическое восприятие окружающей действительности.

Список литературы

- Анонимный автор - I.** На усмирение польских возмутителей и на покорение Варшавы. - СПб., 1794. - 16 с.
Анонимный автор - II. Ода на взятие Варшавы. - СПб., 1794. - 8 с.
Анонимный автор - III. Ода на день торжественного празднования порабощения Польши // Вольная русская поэзия второй половины XVIII – первой половины XIX века. - Л., 1970. - С. 197 – 200.
Безбородко А. А. Меморандум о покорении Польши // Московские ведомости. - 1794. - № 96. - 2 декабря.
Завалишин И. И. Сувороида, поэма героическая. - СПб., 1796. - 66 с.
Петров В. П. На присоединение польских областей к России 1793 года // Петров В. П. Сочинения: В 3 ч. - СПб., 1811. - Ч. 1. - С. 139 – 159.
Петров В. П. На взятие Варшавы 1795 года марта 20 дня // Сочинения: В 3 ч. - СПб., 1811. - Ч. 1. - С. 160 – 165.
Рубан В. Г. Ода на всерадостный день тезоименитства ... Екатерины Второя... - СПб., 1794. - 10 с.
Рубан В. Г. Пеан, или Песнь на победы, одержанные ... Суворовым... - СПб., 1794. - 12 с.
Суворов А. В. «Царица, Севером владея...» // Суворов А. В. Письма. - Л., 1986. - С. 287.
Херасков М. М. Ода ... по случаю присоединения от Речи Посполитой к Российской империи областей... - СПб., 1793. - 12 с.
Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов: В 30 ч. - СПб., 1831. - Ч. 14. - С. 143 – 154.

ГЕРМЕНЕВТИКА ЧУВСТВЕННОГО ОПЫТА В ЗЕРКАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО АВАНГАРДА. ПРОБЛЕМА ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ

Рассадина С. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

Одним из лейтмотивов философии XX века был поиск интерсубъективных оснований чувственного опыта. Классическая эстетика предыдущих столетий, напомним, усматривала основания интеллигибельности художественных произведений в наличии объективных критериев восприятия и оценки. «Суждение вкуса» неизбежно должно было носить всеобщий характер, в противном случае оно приводило бы диалог к коммуникативному тупику. Наличие общих схем суждения, благодаря которым возможны герменевтика художественного творчества и осмысленная коммуникация по поводу произведений искусства, долгое время связывалось с эксплицитной деятельностью разума. Психофизиологический аспект восприятия при этом ис-